

СЕРГЕЙ НАСИБЯН

психолог, автор и прототип главного героя сериала «ТРИГГЕР»

ЯНА ПОЛЯРУШ

ПРО
загляни
своим **ВОКА**
страхам **ТОР**
в лицо

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2024

УДК 821.161.1-31:159.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44+88.3
НЗ1

НЗ1 **Насибян, Сергей.** Провокатор. Загляни своим страхам в лицо / Сергей Насибян, Яна Поляруш. — Москва : Эксмо, 2024. — 368 с.

ISBN 978-5-04-113814-1

Высокооплачиваемый и успешный виртуоз провокативной психологии Сергей Вольский переживает кризис среднего возраста. Неожиданно для него возникает предложение, от которого впервые он хочет отказаться: ехать придется туда, куда зарекся не возвращаться никогда, — на его малую родину. Сергей называет такую цену, от которой клиент точно откажется сам. Но он, точнее она, соглашается!

Водоворот событий — случайные встречи, атмосфера места, где Сергей провел свое непростое детство и откуда когда-то сбежал, новые знакомства и старые связи — затягивает его на самое дно. Сможет ли Вольский, чей метод провокации всегда лихо, безжалостно, но результативно помогал другим, помочь себе? Выдержит ли встречу со своим глубинным страхом? Но главное — удастся ли ему разгадать многолетний секрет семьи, обратившейся к нему за помощью?

УДК 821.161.1-31:159.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44+88.3

ISBN 978-5-04-113814-1

© Насибян С.Б., текст, 2024
© Поляруш Я., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

Лежа в крошечной тьме, вдыхая запах лакированного дерева и новенького, среднего качества шелка, в этой звенящей тишине Сергей Вольский был оглушен одной простой мыслью: какого лешего он тут делает?!

Похоронили его скромно. Прощальная речь была сдержанной и краткой и вызвала в нем самом скорее усмешку, чем жалость к себе. Зазвонил мобильный. Он дернулся, чтобы встать, но только ударился лбом о потолок гроба. Сергей любил разговаривать по мобильному, меряя пространство ногами, где бы он ни находился. В такие моменты Ольга его называла «бешеный койот в загоне».

— Ты чего мечешься, сядь, поговори нормально! — удивлялась она. Милая, в силу своей милоты ты не понимала, не видела всю мою скотскую ленивую натуру. Мне, чтобы

ответить кому-то, особенно с незнакомого номера, а таковых, особенно среди новых клиентов, было множество, нужно было себя разогнать, чтоб «быть на энергии», «на драйве», «включенным» — так все они пишут в своих отзывах... Но ни черта подобного! Это профессиональная маска, поддерживать которую с каждым годом становится все сложнее.

Я боюсь людей! Да, сука, я боюсь людей, но работаю с ними каждый день в очень тесном контакте. В таком же тесном, как этот гроб. Хотя если подумать, то здесь не так уж и плохо. Я же давно мечтал о покое, отдохнуть... Из глубин его существа поднялся какой-то судорожный, незнакомый ему прежде смех, он смеялся и смеялся, не в силах остановить это, словно икоту.

Однажды, много лет назад, он встретил отшельника высоко в горах. Разговорились. Тот спросил его:

— Что тебя так тревожит?

— Я устал от людей. Их очень много в моей жизни, и всем что-то от меня нужно, — ответил Сергей.

Старик спокойно сказал:

— Оставайся со мной. — И указал на пещеру, в которой, уйдя от людей, прожил последние 25 лет в полном одиночестве. Вольский почувствовал, как где-то внизу живота, почти в паху, родился страх и ледяной волной стал подниматься по позвоночнику. Ему стало трудно дышать.

— Но тогда мы возненавидим друг друга: я нарушу ваше одиночество, а для меня всех окружающих людей замените вы! — выкрутился Сергей. Отшельник улыбнулся.

Именно это внутреннее противоречие — боязнь людей и боязнь забвения — вырывалось из его груди неистовым и неуместным смехом. Он хохотал во весь голос, всем своим существом, словно стараясь восполнить, догнать весь упущенный смех прожитой жизни. «А что, если сейчас по кладбищу идет какая-нибудь старушка? Как же она должна припустить от страха, услышав смех, доносящийся из-под земли», — внезапно подумал он и захохотал с еще большим запалом. Однако тут же в его испуганный мозг ввинтилась новая стихийная мысль: если он продолжит смеяться, кислород закончится слишком быстро. По спине пробежали неприятные мурашки. В критические моменты сознание Вольского как будто расщеплялось надвое: одна половина его существа проживала реальный трэш, другая — наблюдала за всем этим со стороны. Такое умение Сергей выработал у себя отчасти сам. Это не позволяло ему скатиться по максимуму в негативные эмоции, но в то же время мешало яркому проживанию позитива. Вольский словно избегал крайностей, предпочитая нейтральную середину. Кто-то мог бы назвать это здравым смыслом, он же именовал осознанностью.

Сергей поднес мобильный к лицу. Гроб наполнился уютным светом. На мгновение ему показалось, что он в палатке в лесу, застегнутый в спальный мешок, выбраться из которого — пара пустяков. Но Вольский тут же отогнал эту вредную иллюзию — нет уж, хватит! Больше никакого самообмана. Он в гробу. В самом настоящем. И этот факт он должен принять во всей его полноте и понять главное — какого лешего он тут делает?!

На экране высветилось имя звонившего: «Профессор Дрозд». Ответить или... Сергей дал отбой и решил написать сообщение, но, как назло, мобильный выскользнул из рук.

— Черт!

Глава 1

ПРОВОКАЦИЯ ДЛЯ ПРОВОКАТОРА

Клиентка М. говорила без устали уже минут сорок кряду. При этом оплатила она только час работы. Накануне М. прислала длиннущее письмо по электронке: «наслышана...», «накопила на сеанс...», «последняя надежда» и вот теперь молотит и молотит... Как же нам важно быть выслушанными, до одури, до самого дна...

Ни на один мой вопрос М. прямо не ответила, все ходит кругами. Зачем? Пытается сохранить лицо! Да, даже в кабинете психотерапевта. Виной тому воспитание, социум. Вот только проблему это решить не поможет. У кого она только не была! Все от нее отказались. Не могут найти причину. По всем показателям М. была здорова, как бык. Но троич-

ный нерв — этот перекресток между руками, связывающими нас с другими, головой, способной раскритиковать и обесценить, и, наконец, телом, храмом возможностей и лишений, — скрутил ее так, что «никаких денег не жаль», «лишь бы помогло». Из подобных фраз легко можно было бы составить целый словарь самооправданий, позволяющих вывалить кучу денег какому-то «волшебнику» вместо того, чтобы жить с собой в искренних, честных отношениях.

Так, ладно! Надо с этим кончать. В принципе, стратегия ясна, ничего сложного.

Сергей Вольский многозначительно посмотрел на часы. И только тут клиентка очнулась! Заерзала, засуетилась, словно объявили отправление ее поезда. Максимально сосредоточилась, сконцентрировалась, чтобы не пропустить ни слова, сказанного доктором.

Вольский напустил на себя нарочито серьезный вид:

— Простой вопрос. Как вам эта боль мешает жить?

М. отпрянула назад, растерянно заморгала, недоуменно развела руками.

— Сергей, это же очевидно. Мне больно глотать! — тихо ответила она.

— Отлично, — кивнул Вольский. — А что именно вы никак не можете проглотить? Обязательно буквально. Где это было? Когда? Это может быть как ощущение... Как будто...

Его голос звучал так вкрадчиво, так значительно, словно от ответа на этот вопрос зависела ее жизнь. М. вдруг густо покраснела, смущенно опустила глаза. И тут же снова подняла их на Вольского. Ах, это сияние озарения, инсайта! Сергей знал его и любил. Для него это было чем-то сродни сообщению об одержанной победе или крупном выигрыше.

М. была потрясена. Зажав двумя руками рот, она качала головой из стороны в сторону. Будто говоря себе: «Так я и знала! Это мне даром не пройдет! Сама виновата». Она приняла приговор. Немой приговор, от которого до сего момента М. пряталась и уворачивалась. Пока не утопила его в бездне подсознания. А с ним и причину, по которой оказалась на скамье подсудимых собственной совести, привитой обществом морали или каких-то иных значимых ценностей, господствующих в ее голове.

М. долго не могла решиться, чтобы начать свой рассказ. Сергей молча налил в стакан воды. Поставил перед нею и напомнил:

— Время!

М. понимала, что если она не сделает это сейчас, то второго шанса у нее уже не будет, а куда идти за помощью после Вольского, идей уже не было. Она залпом осушила стакан воды и сдалась.

Воспоминание оказалось занятным и даже (если ты не психотерапевт) смешным.

М. живет в небольшом городке, где все друг друга знают. Как-то летним вечером по пути домой она встретила батюшку. Ничто не предвещало беды. Поболтали о праздном. Он вызвался ее проводить, помог с тяжелой сумкой. Неожиданно для самой себя в подъезде собственного дома она сделала ему минет.

Неисповедимы пути Господни! Батюшка был потрясен снизошедшим на него оргазмом, а вместе с ним внезапную трезвостью осознания, что как-то слишком далеко он проводил свою прихожанку. И вот, в этот самый момент, он брезгливо оттолкнул ее. При этом сперма все же оказалась во рту М., и она не зная, что с ней делать, на мгновение замерла. Выплюнуть — как бы батюшку не обидеть, да и неприлично плевать в подъезде, тем более сама ж там живет. И глотать мочи нет. В конце концов, она незаметно утерлась подолом юбки, но этого оказалось достаточно, чтобы травмировать хрупкую психику, не способную ни в буквальном, ни в переносном смысле проглотить, читай — принять произошедшее.

И потянулись долгие часы и месяцы истошающей рефлексии: «Что теперь будет?», «Как людям в глаза-то смотреть?!», «А на исповедь как? Боже, боже!», «Он же порядочный человек, семейный, а я?..», «Как я могла?» Стыд и чувство вины лавиной обрушились на бедную М.; прорастая из чужой морали, они заполнили собой пустоты всего,

что осталось без ответа. Тут-то и начинается формирование нового слоя психики.

Тотемные цивилизации до сих пор живут законами племени и рода. Согласно этим правилам, нарушивший табу получает наказание или проходит инициацию очищения за пределами племени. Будучи изгнанным и оставшись один на один с этим миром, он, по сути, обречен на смерть. Однако если ему все же удастся выжить и он даже научится делать это самостоятельно, то он словно обретает новый социальный статус. Племя сочтет, что испытания очистили изгнанника, и согласится вновь принять его.

В цивилизованном мире схожие порядки. Преступивших закон наказывают штрафами, исправительными работами или изгоняют из общества — отправляют в тюрьму. Хотя, по факту, их просто помещают в другое общество, со своими законами. В общих чертах они схожи с прежними, но гораздо ближе к первобытным. Переживших изгнание из цивилизованного общества также считают очистившимися, и они имеют право на возвращение.

Но что делать, если о твоём преступлении общество не знает? Тебя не наказывают, не изгоняют, но при этом твоя психика самым парадоксальным образом остается архаичной. Она все еще живет в мире тотемов и табу. Это открытие сделал еще дедушка Фрейд, и современные психологи его не опровергли. Напротив, постоянно убеждаются в его истинности.

И клиентка Вольского была очередным тому подтверждением.

Как любой среднестатистический «преступивший», М. подсознательно ждала и в каком-то смысле даже жаждала этого наказания. Ведь это был бы верный способ очиститься от разрушающего ее психику чувства вины! Но наказания и не брезжило на горизонте. Более осознанные индивиды (уввы, М. была не из их числа) в такой ситуации выбирают самоинициацию, самоочищение. Атеисты идут к психологу, верующие — на исповедь, кому-то достаточно просто выговориться другу или подруге. Любой из этих способов — это публичное признание своей вины в надежде на раскаяние и прощение. Если ничего такого не происходит, человек продолжает носить это в себе. И тогда подсознание запускает механизм самонаказания. Самый простой, быстрый и действенный способ — болезнь или травма. Через боль и страдания тела происходит процесс очищения от чувства вины «преступившего». Это основа психосоматики.

Потеряв самоуважение, М. наказала себя болью в теле, и не где-нибудь, а в горле, так сказать, в «эпицентре события». Неудивительно, что врачи, работающие с ее телом, не нашли для этой боли физических причин. Их нет. Подсознание создает эту боль. По сути, иллюзию боли. А раз подсознание «включило» эту боль, только оно и может ее выключить.

— И что же мне делать? — недоуменно проговорила М.

— Ну, вы же знаете мои методы? Подобное мы лечим подобным, но уже с положительным зарядом, — ответил Вольский.

— Не понимаю, — призналась М.

— Вы же ко мне приехали, как к провокативному психологу, верно?

— Верно, — осторожно ответила клиентка, уже соображая, к чему он клонит. Вольский заметил, что грудь М. стала вздыматься от учащенного дыхания, глаза вспыхнули праведным гневом: «Ни за что!», «Как вы смее-те мне такое предлагать?» Сила протеста набирала обороты. Вольский мило улыбнулся. М. немного обмякла, но продолжала держать оборону.

— Давайте начистоту, без морали и оценок. В сухом остатке: зачем вы сделали ему минет?

М. на секунду задумалась:

— Чтобы доставить ему удовольствие. Знаете, какой он хороший...

Вольский поднял руку, останавливая ее.

— А как же вы? — спросил он.

— А что я? — М. смотрела на него с искренним недоумением.

— Вы, именно вы, получаете удовольствие, когда делаете минет мужчине? — уточнил он свой вопрос.

— Нет. А при чем здесь это? Я что, проститутка какая-то, что ли? — возмутилась М.